
В. Г. О си н о в

**ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ ТОНГАНЦЕВ С ЕВРОПЕЙЦАМИ
В XVII—XVIII вв.**

Архипелаг Тонга, состоящий из 160 островов, общей площадью 697 км², расположен в юго-западной части Тихого океана.

Тонганцы по языку, культуре и антропологическому типу относятся к полинезийцам, которые в свою очередь являются потомками азиатских мигрантов. Радиоуглеродная дата заселения архипелага — конец II тысячелетия до н. э.

К середине нынешнего тысячелетия тонганцы создали своеобразную цивилизацию, главными элементами которой были интенсивное земледелие, достигшее высокого уровня развития, ремесла (среди которых особенно выделялось искусство судостроения) и уникальная духовная культура. В обществе островитян наблюдалась весьма сложная социальная иерархия¹.

Проникновение европейцев в бассейн Тихого океана началось в XVI в., после того как испанский конкистадор Бальбоа, перейдя в 1513 г. Панамский перешеек, вышел на побережье неизвестного дотоле «Южного моря». Спустя 8 лет Фернан Магеллан совершил первый в истории человечества транстихоокеанский переход от Огненной Земли через Марианские острова к Филиппинам. Этот маршрут был повторен испанцем Лоайсой в 1525 г. Затем последовали плавания его соотечественников — Сааведры (1527), Вильялобоса (1542), Легаспы и Урданеты (1564), Менданьи (1567 и 1595), Кироса и Торреса (1605). В результате этих путешествий к началу XVII в. в Тихоокеанском бассейне был открыт ряд архипелагов Микронезии и Меланезии, а также отдельные острова Восточной Полинезии. Как и в Вест-Индии, в Тихом океане испанцы проводили кровавую политику конкисты.

В XVII в. лидером в освоении заморских земель становится Голландия. Именно голландцы — Якоб Лемер и Виллем Схаутен — открыли в апреле 1616 г. два самых северных острова, входящих ныне в состав королевства Тонга, — Тафахи и Нуатобутану, осуществив тем самым первый контакт европейцев с тонганцами². Вот как Лемер описывает эту встречу: «К нам подошла небольшая парусная лодка. Мы бросили им канат... Они... привязали к нему 2 кокосовых ореха и 3—4 летучих рыбы, крича нам что-то все время; ... еще 9 или 10 каноэ приближались к нам... в каждом было по 3—4 человека... и когда они подошли к кораблю, то

---

¹ Подробнее о тонганском обществе см.: С. А. Токарев. Происхождение общественных классов на островах Тонга. — «Сов. этнография», 1958, № 1; E. W. Gifford. Tongan society. — «В. Р. Bishop Museum Bulletin», № 161, Honolulu, 1929. См. также: И. М. Меликсетова. Основные тенденции социально-экономической эволюции Тонга. — «Новое в изучении Австралии и Океании», М., 1972.

² Я. М. Свет. История открытия и исследования Австралии и Океании. М., 1966, с. 124.

многие из них попрыгали в воду и поплыли к борту корабля, держа в руках кокосовые орехи и толстые корни, и меняли их на гвозди и бисер, которые были предметами их вождения»³.

По прочтении этого отрывка из повествования Лемера возникает некоторое недоумение: неужели первое знакомство представителей двух различных цивилизаций выглядело столь прозаично? По логике вещей, островитяне должны были если не проявить большую осмотрительность, вполне естественную в данной ситуации, то хотя бы выяснить сначала, какого рода отношения они могли бы завязать с чужеземцами и чем те могут быть им полезны. Но тонганцы, видимо, не ломали себе головы над подобной альтернативой, они повели себя так, как если бы голландское судно было не первым судном, зашедшим в их воды, а совершало очередной рейс с заведомо известными коммерческими целями.

Пожалуй, можно предположить, что аборигены Тонга, при их развитой системе морских коммуникаций, уже знали от своих океанийских соседей (сведения из первых, вторых или третьих рук) о том, что Тихий океан с некоторых пор стали бороздить диковинные парусные суда, управляемые не менее диковинными людьми, с которыми можно вести взаимовыгодный обмен.

Однако апрельские события 1616 г. развивались не гладко.

На поиски более удобной стоянки голландцы направили шлюпку. Но «как только она отчалила от судна и пошла вдоль берега, ее окружили 12—13 каноэ..., — пишет Лемер, — туземцы, находившиеся в них, казалось, сошли с ума... Они, плывя рядом с нашей шлюпкой, стремились завладеть ею... Но наши люди, решив защитить ее, сделали три выстрела из мушкетов; после первых двух выстрелов туземцы сначала развеселились, думая, что это была детская игра, но третьим выстрелом один из них был поражен в грудь... Его товарищи... обнаружив, что он таким образом был ранен, сразу же оставили шлюпку в покое...»⁴.

Трудно поверить, что островитяне замыслили захват шлюпки в то время, как их знатный соплеменник гостил на корабле. Наверное, тонганцы слишком назойливо проявляли любопытство к европейской лодке, и матросы приняли «превентивные» меры. Впрочем, этот инцидент внешне не повлиял на их отношения, и торговля шла полным ходом. На следующий день «туземный король» прислал на корабль в качестве подарка свинью, а «в полдень сам приплыл на большой парусной лодке, похожей на салазки (двойное каноэ. — В. О.), в сопровождении 35 каноэ. Этого короля или вождя его люди называли Латоу. Мы приняли его, — пишет Лемер, — под звуки труб и барабанов, чему они крайне изумились... Они выказали нам почтение и дружелюбие...»⁵. Но эти же люди вдруг вскоре повели себя иным образом.

«Утром 23 апреля, — сообщает Лемер, — подошло 45 каноэ... в сопровождении 35 небольших парусных лодок, напоминающих салазки; каждая из них имела на борту по 25 человек... Они знаками призывали нас отправиться на соседний остров... Мы снялись с якоря... Парусные лодки и каноэ тесным кольцом окружили наш корабль, и король пересел из парусной лодки в каноэ. Они ударили в барабаны... и начали кричать, что, как нам показалось, означало общий сигнал к атаке... Действительно, лодка, в которой раньше находился король, набрала скорость... и врезалась в наше судно с такой силой, что оба носа ее разлетелись в щепки, а люди, бывшие в ней, попрыгали в воду... Другие стали бросать в нас камнями... но мы открыли по ним огонь из мушкетов и пушек (последние были заряжены картечью и ржавыми гвоздями)... Некоторые из них навсегда забыли дорогу домой, а другие были

³ [J. Le Maire.] Australian navigations discovered by J. Le Maire in the years 1615—1617.—J. A. J. de Villiers. The East and West Indian mirror... London, 1906, p. 199, 200.

⁴ Там же, с. 201.

⁵ Там же, с. 202.

серьезно ранены, и они ретировались... Мы продолжили наше путешествие...»⁶. На этом закончилось первое знакомство тонганцев с европейской культурой и ее техническими достижениями.

Сейчас, конечно, невозможно установить истину: действительно ли островитяне не смогли устоять перед соблазном завладеть кораблем — объектом, разжигавшим профессиональное любопытство потомственных мореходов, или нападение было каким-то образом спровоцировано голландцами. Новозеландский ученый У. Пирсон предположительно мотивирует действия аборигенов тем, что Лемер дважды (последний раз в день нападения) отказался от перечного корня, который ему преподносил «король». Корень же этот, точнее, приготовлявшийся из него напиток (кава), играл важную ритуальную роль в жизни островитян⁷.

До 1643 г. острова Тафахи и Ниуатобутапу, о которых шла речь, были единственными тонганскими островами, известными европейцам. Архипелаг Тонга ждал своего первооткрывателя. Им оказался соотечественник Лемера и Схаутена — Абель Янсзон Тасман.

19 января 1643 г. его корабли стали на рейде вблизи крупнейшего острова архипелага — Тонгатапу. Как и в случае с Лемером, к кораблю сначала подошло одно каноэ с тремя аборигенами на борту. «Они окликнули нас несколько раз, — пишет Тасман, — и мы обернулись к ним, но не могли понять друг друга; ...когда они подошли к кораблю совсем близко, мы бросили им кусок дерева, к которому привязали два больших гвоздя, а на длинном шесте подали им китайское зеркальце и нитку китайского бисера; они же к шести привязали рыболовный крючок, сделанный из жемчужной ракушки...»⁸. Надо заметить, что рыболовные крючки представляли для тонганцев значительную материальную ценность, и поэтому состоявшийся обмен можно считать эквивалентным.

Тасман и его спутники нуждались в пресной воде и свежем мясе. Используя словарь, составленный Лемером, они попытались выяснить у гребцов каноэ, можно ли все это раздобыть на их острове, но языковой барьер так и не удалось преодолеть. «Островитяне же, — продолжает Тасман, — все время показывали нам в сторону земли... наконец они пустились в обратный путь... После полудня небольшое каноэ, в котором было 4 человека... подошло к кораблю; они привезли маленький белый флаг и материю из древесных волокон»⁹. Голландцы, надо полагать, из лучших побуждений, предложили аборигенам стакан вина. Те взяли стакан, благоразумно выплеснули из него содержимое, и увезли его с собой на берег.

Вскоре корабль окружили многочисленные каноэ, и завязалась оживленная торговля.

К вечеру на судно пожаловал «человек преклонного возраста... это был, видимо, один из их вождей; мы провели его в каюту, — пишет Тасман, — он низко нам поклонился... мы также почтили его, согласно нашему обычаю... Мы подарили ему нож, зеркальце и кусок холста»¹⁰.

На следующее утро этот вождь прибыл на корабль с ответными подарками. Голландцы показали ему и его свите корабль и «произвели выстрел из большой пушки, что их сильно напугало, и они бросились бежать... но, убедившись, что никто из них от этого не пострадал, быстро успокоились»¹¹. Не преминув продемонстрировать мощь европейского оружия, Тасман, тем не менее, познакомил островитян с европейской музыкой, собрав для этого с обеих кораблей всех матросов, умевших иг-

⁶ *J. Le Maire*. Указ. раб., с. 203, 204.

⁷ *W. H. Pearson*. The reception of European voyagers on Polynesian Islands 1568—1797. — «Journal de la Société des Océanistes», Paris, 1970, t. XXVI, № 27, p. 152.

⁸ *A. J. Tasman*. The journal of the voyage of 1642—43. — *A. Sharp*. The voyages of Abel Janszoon Tasman. Oxford, 1968, p. 153.

⁹ Там же, с. 154.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 155.

рать на каком-либо музыкальном инструменте. Оркестр, состоявший из скрипки, флейты, трубы, сыграл несколько народных мелодий, вызвав «удивление туземцев».

«Мы не видели, — сообщает Тасман, — никакого оружия у этих людей, везде царили мир и дружба... Они оказывали нам великие почести и выражали дружеские чувства и спрашивали нас, откуда мы пришли и куда хотим пойти дальше»¹².

Сам Абель Тасман вполне доброжелательно относился к тонганцам, но все же, ограниченный предрассудками своего времени и своей среды, не мог видеть в них равных себе людей. Он восхищается их каноэ, с восторгом описывает сады и поля, возделанные тонганцами, и тут же делает вывод: «У этого народа (чье обличье — человеческое, но нравы и обычаи — не присущие человеку) также проявляется искусство, свойственное людям»¹³.

1 февраля 1643 г. голландские корабли покинули гостеприимные острова, и после них в течение 130 лет европейские суда не заходили в воды архипелага Тонга (если не считать однодневного визита С. Уоллиса в 1767 г. на острова Тафахи и Ниуатобутапу).

До сих пор мы имели дело со свидетельствами голландских моряков, которые в общем-то мало вникали в сущность тонганской цивилизации, стесненные как недостатком времени, так и, возможно, поставленными перед ними задачами. В XVIII же веке в тихоокеанском бассейне начинают доминировать английские и французские навигаторы, которые, будучи проводниками новой, более утонченной колониальной политики, уделяли гораздо больше внимания изучению жизненного уклада встречавшихся на их пути народов.

Одним из таких капитанов-исследователей был знаменитый английский мореплаватель Джеймс Кук. Экспедиции, возглавлявшиеся им, преследовали цели как географические, так и политические. Кроме того, участникам экспедиций (в частности, научным специалистам) вменялось в обязанность вести астрономические, зоологические, ботанические и этнографические наблюдения.

Джеймс Кук дважды, в 1773 и 1777 гг., посетил архипелаг Тонга. Записки Кука и его спутников и поныне служат ценнейшим источником по истории и этнографии этих островов. В один ряд с материалами экспедиций Кука можно поставить, пожалуй, лишь мемуары английского моряка Уильяма Маринера, прожившего на Тонга 4 года (1806—1810).

Итак, 2 октября 1773 г. корабли Кука «Резолюшн» и «Адвенчер» стали на якорь у о. Эуа. Тонганцы повели себя так, как будто не было 130-летнего перерыва в сношениях с европейцами: «2 каноэ... подошли к самому кораблю, и некоторые из островитян без малейших колебаний поднялись на борт. Это проявление доверия, — пишет Кук, — внушило мне доброе мнение об островитянах... Нас окружило множество каноэ, переполненных людьми... они привезли с собой материю и разные диковинки, обменивая все это на гвозди и другие товары»¹⁴.

Совершенно очевидно, что тонганцы были рады возобновлению контакта с европейцами. И конечно же, далеко не на последнем плане у островитян был «потребительский» интерес к заморским гостям.

Историк Т. А. Рикард, опираясь на свидетельства европейских мореплавателей Я. Лемера, А. Тасмана, С. Уоллиса и других, доказывает, что полинезийцы, в частности тонганцы, еще до прихода европейцев имели представление о железе и умели им пользоваться. Рикард считает, что полинезийцы познакомились с металлом (в виде гвоздей, скоб

¹² А. J. *Tasman*. Указ. раб., с. 156, 157.

¹³ Там же, с. 170.

¹⁴ Дж. Кук. Второе кругосветное плавание капитана Джеймса Кука. Плавание к Южному полюсу и вокруг света в 1772—1775 гг. М., 1964, с. 223.

и т. д.), встречая в океане дрейфовавшие обломки кораблей¹⁵. В самом деле, чем объяснить активный спрос на железо, возникший в первые же минуты общения с голландцами? Не подлежит сомнению тот факт, что островитяне приобретали у европейцев железные изделия не просто как абстрактные, экзотические для них безделушки, но имея в виду их прикладные свойства. Георг Форстер, 18-летний спутник Кука, а в будущем выдающийся немецкий мыслитель, отмечал в своем дневнике: «...У туземцев имеются гвозди, которые завезены на остров во времена Тасмана. Мы приобрели один из таких гвоздей, очень маленький, почти съеденный ржавчиной; гвоздь этот, однако, заботливо сохранялся и был прикреплен к деревянной рукоятке и, вероятно, его применяли как сверло или буровчик...»¹⁶.

Замечательно, что с каждой новой встречей тонганцев с европейцами изменялась котировка различных видов железных инструментов. Так, в 1773 г., по свидетельству ученого-астронома У. Уолса, «ножи и топоры ценились очень низко, возможно, из-за недостаточного знакомства с их назначением; гвозди же, как большие, так и мелкие, были очень хорошим товаром»¹⁷. По подсчетам Кука, гвоздей было тогда закуплено тонганцами 300—400 фунтов, т. е. 140—180 кг. Спустя 4 года Кук записал в своем дневнике: «Лучшие объекты для менового торга — мотыги, топоры... Большой спрос был также на крупные гвозди, рашпили, пилы и ножи»¹⁸. Быстрый рост умения островитян обращаться с разнообразными железными орудиями был налицо. Но не меньше чем железо их привлекали мануфактурные изделия и всякие безделушки — «льняные ткани — белые и цветные, увеличительные стекла и бусы...»¹⁹.

Пока торговля шла своим чередом, Кук и его товарищи по экспедиции посетили дом вождя о. Эуа. Языковой барьер, бесспорно, мешал общению гостей и хозяев, и Кук предложил оригинальный обмен «визитными карточками». Он «велел морякам сыграть на волынках, которые были с ними; в ответ вождь приказал троице дезушкам спеть, что они и выполнили с очень большой грацией...»²⁰. Неизвестно, понравилась ли тонганцам игра на волынках, но Кук нашел, что песни островитян «очень музыкальны и гармоничны». Уолс, более эмоциональный по натуре, нежели Кук, писал, по этому поводу: «Не могу сдержаться, чтобы не выразить своего восхищения сладкозвучием, мягкостью и мелодичностью их пения и игры на флейтах и свирелях»²¹. После этого небольшого импровизированного концерта, убедившего англичан в том, что они имеют дело с высококультурным народом, гостям было предложено отведать традиционный полинезийский напиток «каву». Кава готовится путем пережевывания перечного корня и, разумеется, не каждый европеец отважился бы попробовать ее. Спутники Кука наотрез отказались от угощения, но сам Кук пригубил этот пикантный напиток.

На другой день англичане отправились к главному острову архипелага — Тонгатапу. Там встретили их с таким же энтузиазмом, как и на о. Эуа. Кук подросил, чтобы ему показали остров.

«Мне казалось, — пишет Кук, — что я путешествую по самым плодородным равнинам Европы. Тут не было ни дюйма пустующей земли; дороги занимали ровно столько места, сколько было необходимо, изгороди отстояли всего лишь на 4 дюйма от обочин, и даже пространство между

¹⁵ T. A. Rickard. The knowledge and use of iron among the South Sea Islanders.— «Journal of the Royal Anthropological Institute», v. LXII, 1932.

¹⁶ Дж. Кук. Второе кругосветное плавание..., с. 592, прим. 113.

¹⁷ J. Cook. The voyage of the Resolution and Adventure, 1772—1775. Ed. by J. C. Beaglehole. Cambridge, 1961, p. 812.

¹⁸ Дж. Кук. Третье плавание капитана Джемса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг. М., 1971, с. 168.

¹⁹ Там же.

²⁰ Дж. Кук. Второе кругосветное плавание..., с. 225.

²¹ J. Cook. The voyage..., 1772—75, p. 846.

ними и плотном дороги не терялось даром: плодовые деревья и кокосовые пальмы насаждались и здесь, они поддерживали изгороди. Так было везде; перемена мест не меняла картину»²².

Кук был изумлен мастерством тонганских судостроителей: «Ничто в такой степени не свидетельствует об изобретательности островитян, как способ постройки их каноз... Дома, — добавляет он, — островитяне строят не менее изящно...»²³.

Чем глубже вникал Кук в жизненный уклад тонганцев, тем чаще он, может быть безотчетно, проводил аналогии с обычаями родной ему страны. Когда обитатели Тонгатапу, прежде чем взойти на корабль, вручили морякам перечный корень для приготовления кавы, он прокомментировал этот жест следующим образом: «Видимо, это был самый дружественный знак — да ведь и мы сами не могли лучше продемонстрировать другу свое хорошее отношение, чем послать ему приятный напиток»²⁴. Описывая местный способ выражения благодарности, Кук опять не удерживается от сравнения: «Когда я давал что-нибудь детям, матери заставляли их поднимать руки к голове точно так же, как мы в Англии учим ребенка благодарить за что-либо, целуя руку»²⁵.

И даже в общественном строе тонганцев Кук хочет увидеть нечто общее с социальными порядками Англии: «Здесь правит король или вождь... страной управляют также другие подвластные этому королю вожди, которые являются лордами и, возможно, собственниками земли в определенных округах; народ им, видимо, полностью покорен... Я также держусь мнения, что все земли на островах, особенно на Тонгатапу, находятся в частной собственности...»²⁶.

В действительности все обстояло в те времена много сложнее. Духовная власть, а также номинально все земли Тонга принадлежали туи-тонга, который был окружен ореолом божественности, светской же властью обладал туи-канокуполу, причем оба титула были наследственными. Само население делилось на четыре основных социальных слоя: вожди (эги); их свита — воины и советники (матабуле); старшие сыновья матабуле (муа) и общинники (туа)²⁷. Кроме того, существовала очень сложная система субординации в отношениях между родственными группами, внутри этих групп и внутри семьи — результат синтеза отживавшего материнского права с утверждавшимся патриархатом. Большая часть земель находилась во владении вождей; общинники — туа — должны были платить им дань и, кроме того, делать подношения туи-тонга, туи-канокуполу и жрецам. В целом же тонганское общество того времени, по мнению С. А. Токарева, можно отнести к раннефеодальным²⁸. Во всяком случае, некоторые элементы феодализма там прослеживались.

Всего этого Кук, понятно, не мог узнать за 7 дней своего первого визита на Тонга, но все-таки то, что он зафиксировал в своих записях, в общих чертах, как мы видим, соответствовало реальности.

Куку, отнюдь не склонному к идеализации, решительно все нравилось на Тонгатапу. «Никто здесь не лишен благ бытия, радость и довольство написаны на всех лицах, и поведение островитян по отношению к нам было мягким и благосклонным... и оценивая все особенности их поведения по отношению к нам и их навыки в ремесле, я должен признать, что они находятся на высшем уровне цивилизации»²⁹.

²² Дж. Кук. Второе кругосветное плавание..., с. 229, 230.

²³ Там же, с. 238, 240.

²⁴ Там же, с. 242.

²⁵ Там же, с. 243.

²⁶ Там же, с. 243.

²⁷ E. W. Gifford. Указ. раб., с. 108.

²⁸ См. С. А. Токарев. Указ. раб.

²⁹ Дж. Кук. Второе кругосветное плавание..., с. 244.

Это заявление вносило существенную поправку в распространенные в XVIII в. теории о «добрых» и «злых» дикарях. Кук, безусловно, не ставил знака равенства (хотя иногда проводил параллели) между европейской и тонганской цивилизациями. Но, отдавая должное высокому уровню развития тонганского народа в данных географических и исторических условиях, он считал естественным употребить термин «цивилизация», что для того времени было довольно радикальным шагом.

В ходе второго визита Кука на Тонга, на островах Хаапаи состоялась интереснейшая демонстрация достижений обеих цивилизаций, вылившаяся в подлинное состязание. Причем европейцы делали ставку на свое техническое превосходство, тонганцы же использовали свои «козыри» в области художественной культуры. Все началось с того, что местный военный вождь Финою (Финау) «выразил желание посмотреть на экзерциции морской пехоты. После того как они провели разные маневры и дали несколько залпов, — повествует Кук, — вождь в свою очередь развлек нас совершенно новым зрелищем. Это было нечто подобное пляске, исполненной юношами и именитыми мужчинами, но это зрелище было так не похоже на все то, что доводилось мне видеть в любой из частей света, что я даже не в силах описать то, что увидел здесь. В этом представлении может участвовать любое количество танцоров, в данном же случае в нем принимало участие 105 человек... Главную роль играла песня, которая исполнялась так, что создавалось впечатление, будто поет один голос. Песня была музыкальной и гармоничной, и все движения были настолько точны, что вся масса танцоров действовала, словно один человек. По нашему единодушному мнению, это представление было бы встречено в любом европейском театре с всеобщим одобрением, и так велико было наше наслаждение этим зрелищем, что мы пришли к убеждению: островитяне превосходили нас»³⁰.

Признание в том, что островитяне превосходили европейцев, Кук вряд ли сделал во всеуслышание. Самолюбие англичан требовало реванша, и Кук («чтобы оставить у островитян лучшее представление о наших зрелищах») распорядился устроить с наступлением темноты фейерверк. Он, судя по всему, был впечатляющим. Особенно удался запуск ракет. «Они, — пишет с нескрываемым удовлетворением Кук, — поразили всех сверх меры и решительно склонили чашу весов в нашу пользу»³¹. Лейтенант Дж. Кинг вторит своему командиру: «Нас весьма удовлетворило то, что мы одержали полную победу над их разумом»³².

Несколькими днями позже тонганцы и европейцы померялись силами в другого рода состязаниях: борьбе и боксе. Англичане «всякий раз были побеждены, — констатирует У. Андерсон, руководитель научной части экспедиции, — за исключением 2—3 случаев, когда было очевидно, что боязнь туземцев обидеть нас способствовала их поражению гораздо больше, нежели превосходство европейских соперников»³³.

Островитяне, действительно, относились к гостям весьма предупредительно и дружелюбно, что неоднократно подчеркивали и Кук, и большинство его спутников. Недаром Кук назвал архипелаг Тонга островами Дружбы. Но со стороны европейцев отношение к островитянам было, мягко говоря, неровным. Не раз за время обоих визитов случались кровавые инциденты, причем кровь проливалась всегда тонганская. Причи-

³⁰ Дж. Кук. Третье плавание..., с. 125, 126. Танец этот называется «меетуупаки»; обычно он исполнялся перед туи-тонга на церемониях, посвященных празднику «первого плода» — «иначи». — См.: A. L. Kaeppler. Preservation and evolution of form and function in two types of Tongan dance. — «Polynesian culture history». Honolulu, 1967, p. 511.

³¹ Дж. Кук. Третье плавание..., с. 126.

³² J. Cook. The voyage of Resolution and Discovery, 1776—1780, pt. II. Cambridge, 1967, p. 1361.

³³ Там же, p. 901.

ной этих столкновений, как правило, служила пресловутая склонность островитян к воровству, отмечавшаяся всеми европейскими мореплавателями.

Дело в том, что представления аборигенов о собственности, в значительной мере еще первобытнообщинные, никак не регламентировали их отношение к имуществу европейцев. На это имущество не распространялись ни табуация, ни обычное право островитян. Практически все вещи, принадлежавшие европейцам, могли привлечь внимание местных жителей как нечто невиданное, экзотическое, и они прихватывали с собой буквально все, что «плохо лежало на месте», зачастую совершенно не представляя себе назначение предмета (например, такелажные приспособления, книги и пр.). Яркую иллюстрацию этому явлению дает сам Кук в своем дневнике. Когда экспедиция прибыла на Гавайские острова, «первый человек, поднявшийся на борт, при всем его удивлении не забыл и о собственной выгоде: первой движимой вещью, которая оказалась на его пути, был лот с линем, и он, ничего ни у кого не спрашивая, схватил его, чтобы бросить в свое каноэ, а когда мы остановили этого человека, он сказал: „Я ведь только хотел положить это в свою лодку“»³⁴. Этот отрывок из дневника иллюстрирует к тому же явное недопонимание Куком психологической подоплеки несостоявшейся «кражи». Именно из-за этого взаимонепонимания, «из-за несоответствия, — как справедливо считает С. А. Токарев, — между первобытнообщинными и буржуазными понятиями о собственности возникала длительная вражда, переходившая в кровавые столкновения островитян с европейцами»³⁵. Между тем все эти «кражи» с лихвой окупались безвозмездными подношениями островитян в виде съестных припасов.

Кук знал, что некоторые члены его экипажа готовы на крайнюю жестокость по отношению к тонганцам, и он на первых порах старался сглаживать трения, возникавшие между моряками и островитянами, а если это не удавалось сделать, то в дневнике вскользь упоминал о происшедшем инциденте или вообще не касался его. Но не он один вел дневник, и кровавые подробности пребывания англичан на Тонга впоследствии все же стали достоянием гласности. Так, например, в дневнике Кука за 5 октября 1773 г. нет упоминаний об инциденте, связанном с похищением книг из штурманской рубки. За аборигеном, присвоившим книги, была организована погоня на шлюпке (сам абориген уже бросил злосчастные фолианты и вплавь направлялся к берегу). Г. Форстер описал эту погоню: «Один из матросов ударил его багром; к несчастью, крюк вонзился в тело меж ребер, и матросу не составило труда подтянуть индейца к шлюпке и заставить его вползти на борт. Однако индеец улучил момент, вскочил, и прежде, чем все опомнились, прыгнул обратно в море и уплыл, несмотря на большую потерю крови...»³⁶.

Надо сказать, что лично Куку тоже не было чуждо проявление жестокости, особенно в пятидневный период второго визита на Тонга.

По приказанию Кука за любую кражу, крупную или пустяковую, аборигенов пороли, вырезали кресты на их руках, выбривали им головы, что считалось для них позором, наконец, по ним открывали огонь. Мало того, однажды Кук продержал под арестом в течение нескольких часов группу вождей во главе с туи-тонга Паулахо и Финау. Поводом для этого послужило исчезновение козленка и двух индюков.

Тонганцы нередко открыто выражали свое недовольство жестокими и унижающими их человеческое достоинство поступками английских моряков. Но до прямых выступлений против европейцев, как это случилось 14 февраля 1779 г. на Гавайях, в день гибели Кука, дело не доходило.

³⁴ Дж. Кук. Третье плавание..., с. 256.

³⁵ С. А. Токарев. Указ. раб., с. 128.

³⁶ G. Forster. Reise um die Welt. Die zweite Weltumsegelung von James Cook. Berlin, 1960, S. 254, 255.

Правда, некоторые зарубежные авторы полагают, что в 1777 г. Куку угрожал заговор³⁷, ссылаясь при этом на известное сообщение У. Маринера: «Островитяне планировали против него заговор, который неминуемо был бы приведен в действие, если бы вожди, участники заговора, не стали спорить о точном способе и времени совершения нападения»³⁸. Но утверждение это не подкреплено пока другими доказательствами. И что бы там ни было на самом деле, 17 июля 1777 г. англичане благополучно покинули архипелаг Тонга, оставив аборигенам десятки килограммов железных инструментов, многочисленные текстильные изделия и безделушки, семена огородных культур, несколько пар крупного и мелкого рогатого скота, индюшат, собак и, сверх всего этого — шрамы, увечья и венерические болезни.

После Кука первым зашел в тонганские воды испанский капитан Антонио Маурелье. В феврале 1781 г. он открыл группу островов Вавау в архипелаге Тонга. «Индейцы. — пишет Маурелье, — с полным доверием к нам поднялись на борт; тот, кто ими руководил, продемонстрировал к нам самую нежную дружбу: он танцевал на палубе и пел песни... Островитяне, в обмен на свои продукты... желали получить топоры, тесла и другие инструменты, но я запретаю под угрозой самых суровых наказаний уступать им, и я заставил их познаться. Они должны были довольствоваться кусками холста или другой ткани»³⁹.

Через 8 лет после визита Маурелье к тонганскому острову Тофуа пристал баркас, в котором находились печально знаменитый капитан Блай и его 18 спутников, «списанные» с корабля взбунтовавшейся командой. Но островитяне по невыясненным причинам дали возможность англичанам пробыть на острове только сутки, а затем «они атаковали нас, бросая камни, — рассказывает Блай. — один из наших людей был еще на суше; несчастному пробили голову камнем... и всякая надежда спасти его была оставлена»⁴⁰. Возможно, что участок побережья, на который высадился Блай, был табуирован.

В марте 1793 г. французский адмирал А. д'Антраксто, посланный на поиски пропавшей экспедиции Лаперуза, стал на рейде вблизи о. Эуа. 17-дневный визит французов протекал довольно спокойно. Д'Антраксто был даже вручен почетный дар — диадема, изготовленная из перьев фиджийских попугаев⁴¹. Ранее такой чести из европейцев удостоивались лишь капитан Кук и капитан Клерк — командир корабля «Дискавери» в последнем путешествии Кука.

В 1796 г. к о. Намука ненадолго подходило американское торговое судно «Оттер»⁴². С отплытием этого корабля, собственно, и кончается период первых контактов тонганцев с европейцами, период, отнюдь не условно, а исторически ограниченный XVII и XVIII вв., ибо в 1797 г. к островам Дружбы подошло английское судно «Дафф», привезя первую партию миссионеров⁴³, которые имели перед собой перспективную цель установить постоянный контакт между Великобританией и ее потенциальной колонией.

Итак, опираясь на изложенные выше факты, можно сделать вывод, что знакомство европейцев и тонганцев происходило в трех основных ас-

³⁷ См., например: *J. C. Beaglehole. The exploration of the Pacific.* Stanford, 1966, в. 293; *W. P. Morell. Britain in the Pacific Islands.* Oxford, 1960, p. 23.

³⁸ *W. Mariner. An account of the natives of the Tonga Islands...* (ed. J. Martin), v. II. London, 1817, p. 64, 65.

³⁹ *A. Maurelle. Voyage de Manille à San Blas.* — «*Albert-Montémont, Bibliothèque universelle des voyages...*», v. XIII. Paris, 1834, p. 232, 234.

⁴⁰ *Bligh. Voyage à la mer du Sud.* — «*Albert-Montémont, Bibliothèque universelle des voyages...*», v. XIII. Paris, 1834, p. 326.

⁴¹ *Labillardière. Relation du voyage à la recherche de La Pérouse...*, v. II. Paris, 1799, p. 162.

⁴² *G. P. Insh. The voyage of the Otter, 1795—97.* — «*Scottish Geographical Magazine*», vol. 67, № 1, 1951.

⁴³ *C. H. Grattan. The Southwest Pacific to 1900.* Ann Arbor, 1963, p. 198.

пектах: через взаимное сопоставление их производственных достижений, художественных культур и общественных укладов. Что касается первого аспекта, то здесь наблюдалось, так сказать, относительное равноуважение друг к другу. Тонганцев восхищала европейская техника, они безусловно, признавали ее превосходство над своей. Но и европейцы воздавали должное туземным ремеслам, высокой культуре земледелия, мореходному искусству. Правда, европейцы никогда не забывали о своих технических преимуществах, и это, конечно, накладывало определенный отпечаток на их отношение к аборигенам. С другой стороны, проигрывая в технических атрибутах своей цивилизации, тонганцы изумлялись европейцев своей художественной культурой. Действительно, ни Куку, ни его просвещенным современникам не пришло бы в голову предложить крестьянам выступить на театральной сцене со своими песнями и танцами, тогда как представление островитян, по признанию Кука, «было бы встречено в любом европейском театре со всеобщим одобрением».

И дело, пожалуй, не только в экзотике. В течение XVIII в. продолжалось открытие европейцами новых, неизвестных им дотоле народов. Художественная культура этих народов, бесспорно, вызвала у путешественников искренний интерес, но интерес скорее исследовательский, не подкрепленный эмоционально-психологическим сопереживанием. Полинезийское же искусство, в частности тонганское, нашло живейший отклик у европейцев. Оно доставило им (и доставляет) истинное эстетическое наслаждение. Когда Кук описывает художественное мастерство тонганцев, меняется даже стиль его повествования, всегда сдержанно-деловой: в каждом слове сквозит неподдельное восхищение увиденным и услышанным. То же самое можно сказать и о впечатлениях участников его экспедиций. Примечательно, что и другие европейские мореплаватели, побывавшие в XVIII в. в Полинезии (например, С. Уоллис, Л. Бугенвиль, А. д'Антраксто), также не остались равнодушными к искусству аборигенов, и, возможно, ни один из неевропейских народов не получил столь сочувственного признания своей художественной культуры, какое получили полинезийцы.

Все это наводит на мысль, что мы имеем дело с явлением, которое можно было бы назвать культурным, или эстетическим резонансом. Суть этого явления заключается в том, что разные по своей материальной основе общества, разделенные огромными расстояниями, видимо, могут иметь как менее, так и более сходные в чем-то структуры эстетического мировосприятия. Когда это сходство значительное, их художественные культуры, далеко не идентичные по формам и средствам выражения, передают, однако, чувства в равной степени понятно для членов обоих обществ. Образно говоря, эти культуры резонируют друг другу, как могут резонировать между собой вещественно различные камертоны: в нашем случае звучание полинезийского камертона вызвало ответное звучание камертона европейского. Рассматривая эту «резонирующую» пару — художественное сознание европейцев и полинезийцев, мы подразумеваем под первой составляющей эстетические критерии общеевропейской буржуазной культуры, унаследованные от древних греков, чьи эпос и искусство, по словам Маркса, «продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недостижимым образцом»⁴⁴. Понятно, что в средние века, когда духовное развитие человека деформировал догмат церкви, «культурный резонанс» вряд ли мог иметь место (пример тому — контакты испанцев с полинезийцами). Но в XVIII в., который, по выражению Энгельса, «был возрождением античного духа в противовес христианскому»⁴⁵, полинезийцы встретились с но-

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, с. 737.

⁴⁵ Там же, т. 1, с. 599.

сителями новой, прогрессивной тогда буржуазной культуры — и «резонанс» стал возможным. Именно он, «резонанс», в значительной степени способствовал, на наш взгляд, возникновению в ходе контактов более глубокого взаимодействия между европейцами и полинезийцами, чем скажем, между европейцами и меланезийцами, тоже островным народом.

Известный австралийский искусствовед Бернард Смит, анализируя восприятие европейцами полинезийского мира, пришел к заключению, что «музыка, поэзия, скульптура и социальные институты океанийских народов ассоциировались в умах многих европейских путешественников с обычаями их собственных предков»⁴⁶. Видимо, и здесь «резонанс» сыграл не последнюю роль.

Если принять гипотезу «культурного резонанса», то перед нами встанет проблема: случайным или не случайным оказалось созвучие некоторых сторон художественной культуры народов Европы и Полинезии, разъединенных полуокружностью планеты? Возможно, духовное развитие полинезийцев шло в течение какого-то времени путем, достаточно близким пути духовного развития европейцев, и в XVII—XVIII вв. стадияльно подходило к уровню предклассической Греции. Не исключены, конечно, и другие объяснения. Как бы то ни было, проблема эта требует самостоятельного исследования. Естественно, что и сама гипотеза «резонанса» нуждается в подтверждении. Разработка ее с привлечением широкого материала, вероятно, позволила бы выявить другие «резонирующие» пары или триады и, может статься, привела бы к выводу, что «культурный резонанс» не ограничивается только сходством структур эстетического мировосприятия. Кстати сказать, в психологии пользуются понятием «эмоциональный резонанс», имея в виду повышенное сочувствование между отдельными индивидами. Почему бы не проверить возможность «резонанса» между социальными организмами, в том числе этносоциальными, не экстраполируя, разумеется, биологические законы на общественные?

Вернемся к основной теме статьи. Сложнее складывалась ситуация в третьем аспекте контакта — взаимоотношениях представителей разных социальных систем. В Европе в те века феодальный период истории был уже на исходе, были пережиты первые буржуазные революции. На Тонга же только начинали проявляться некоторые черты, присущие феодализму — прежде всего выделение социального слоя землевладельцев, эксплуатировавшего массы земледельцев.

Именно потому, что общества эти разделяла целая эпоха, отличия в общественном сознании европейцев и тонганцев были разительными. В то время как европейцы имели устоявшиеся представления о частной собственности, тонганцы в этом плане еще не до конца отрешились от первобытнообщинных критериев. Разрыв в общественном сознании европейцев и тонганцев явился главной причиной конфликтов, возникавших между ними и сопровождавшихся нередко кровопролитием. К этому надо прибавить грубое, явно пренебрежительное отношение большинства европейских моряков ко всем, кто мог противопоставить огнестрельному оружию в лучшем случае лук и стрелы. Кроме того, следуя духу своего времени, мореплаватели с Запада, вольно или невольно, смотрели на островитян как на возможных своих колониальных «подопечных». Все это вместе взятое, естественно, препятствовало установлению между представителями обеих цивилизаций подлинно гуманных, равноправных отношений.

Первые контакты тонганцев с европейцами, по определению видного западногерманского этнографа Г. Коха, были как бы преддверием

---

⁴⁶ B. Smith. *European vision and South Pacific, 1768—1850*. Oxford, 1969, p. 95.

«культурного столкновения»⁴⁷. Собственно «культурное столкновение», а точнее, прямое влияние «западной цивилизации» на тонганскую, началось в XIX в. и продолжается по сей день. Некоторые предварительные итоги данного процесса подвел этнолог-океанист Р. Крокомб: «Грустно смотреть на тонганцев, исторически представляющих собой одну из величайших и великолепнейших культур Океании, а сегодня едва сводящих концы с концами за счет продажи своего труда, главным образом неквалифицированного, хозяйствам Ниуэ, Науру, Гавайев, Американского Самоа, Новых Гебрид и т. п.... Огромная разница существует между их прежним положением, когда они были величайшими мореходами Океании, и нынешним, когда они стали просто палубными матросами, каких бесчисленное множество»⁴⁸

EARLY CONTACTS BETWEEN TONGANS AND EUROPEANS (17th AND 18th CENTURIES)

An attempt is made in the paper to define and describe the relations between the representatives of two different civilizations, the European and the Tongan, in their 17th and 18th centuries contacts.

The author analyses the appropriate materials on the expeditions of J. Le Maire and W. Schauten, of J. Cook and others; he comes to the conclusion that there may be distinguished three aspects in which the Europeans and the Tongans came to a better knowledge of one another, namely a comparison of their technological achievements, their artistic cultures and their social structures.

While giving their due to the Tongans' native crafts, the high level of their agriculture, their navigational skill, the Europeans nevertheless always stressed their own technological superiority; many of their actions were impregnated with a colonialist spirit. Besides this, the social consciousness of the Europeans and the Tongans differed seriously in many ways (e. g. in their respective ideas of private property, etc.). All this, taken together, naturally posed an obstacle to the establishment of genuinely humane relations based upon equal rights.

Still, the artistic culture of the Tongans (and of the Polynesians in general) found a keen response on the part of European navigators. The author advances the hypothesis of «cultural resonance» according to which societies having different material bases may yet be somewhat similarly structured in their aesthetic apperception of reality. Their artistic cultures, without being identical as to form and means of expression resound as it were against one another and succeed in conveying feelings in a way to a certain degree comprehensible to members of both societies.

---

⁴⁷ G. Koch. Das gegenwärtige Ergebnis des Kulturwandels bei den Tonganern und die Ursachen dieser Entwicklung.—«Zeitschrift für Ethnologie», Bd. 79, Hf. 2, 1954, S. 168.

⁴⁸ R. G. Crocombe. The new South Pacific. Christchurch, 1973, p. 106.